

АВГУСТЕЙШАЯ МУЗА

Более тысячи лет русская культура развивалась в условиях монархии. Значительная часть её истории приходится на период правления Царского и Императорского Дома Романовых. Это, без сомнения, не может не привлекать нашего внимания к той роли, которую играла в культурной жизни России Царская, а, позднее, Императорская Фамилия.

Само собой разумеется, что Русские Государи и их Августейшие родственники, в силу самого своего статуса не могли не влиять на развитие искусства и науки. Но, зачастую, их значение для нашей культуры определяется только с точки зрения политических деяний. С подачи ангажированной либеральной истории мы представляем себе русских государей исключительно как государственных деятелей и военных, воспитанных, по словам поэта, "под барабаном". Что ж, издревле сложилось так, что государи были, прежде всего, мужами государственными и предводителями войска. В то же время, представители Царствующего Дома были, как правило, людьми, не только тонко понимавшими и ценившими искусство, но и высокоодаренными художниками, архитекторами, поэтами, музыкантами, учеными, в жизни которых художественное и научное творчество занимало далеко не последнее место. К сожалению, мало кто знает об этой странице истории нашей культуры и поэтому тема, если можно так выразиться, "Августейшей музы" представляется весьма и весьма интересной.

* * *

Едва ли кто-либо в России, не слышал о грозном Царе **Иоанне IV Васильевиче** (1530 — 1584), среди предков которого, кстати, был и родоначальник Романовых, Андрей Иванович Кобыла. Однако, вряд ли, многим известно, что первый Русский Царь был замечательным публицистом. И уж совсем мало кто знает, что Великий Правитель, чье царствование являет собой целую эпоху в истории России, был выдающимся духовным поэтом и композитором. Вот как характеризует Царя современник - воевода, князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский: "...Муж чудного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело...". Другой современник так оценивает Иоанна IV: "...во словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением быстроумен". Уже в наши дни академик Д.С. Лихачев отмечал: "...в его писательской деятельности не меньше, чем в его деятельности государственной, сказалась его исключительная талантливость... Грозный был одним из образованнейших людей своего времени". В своих произведениях Царь показывает великолепное знание не одного лишь Священного Писания, но и трудов отцов Церкви - византийских богословов, русских, польских и литовских летописей. Совершенно свободно Государь оперировал примерами не только из библейской истории, но и из истории Византии. Прекрасно знал Иоанн IV и жития святых. В его литературных трудах встречается множество ссылок на произведения древнерусской литературы. Книги и отдельные произведения присылали Грозному из Англии, из Польши, из Константинополя (архидиакон Геннадий - сочинения Псалмы), из Рима (сочинения о Флорентийском соборе). Читал он "Хронику" Мартина Бельского, знал "Повесть о разорении Иерусалима" Иосифа Флавия, философскую "Диоптру" и др. К нему обращались со своими произведениями Максим Грек, митрополит Макарий, игумен Артемий, Иван Пересветов и многие другие. По списку Библии, переданному Царем через Михаила Гарабурду князю Острожскому, была напечатана знаменитая Острожская Библия - первый полный перевод Священного писания на славянский язык.

Был Иоанн Васильевич, несомненно, и одним из самых талантливейших литераторов средневековой России, быть может, самым талантливым в XVI веке. Никогда ещё русская литература не знала такой блестящей импровизации, такой эмоциональной речи, такого разнообразия лексики и смелого смешения стилей. Казалось, ничто не затрудняло речь Царя, она текла абсолютно свободно, непосредственно, все, свойственные тогда, грани между письменным и устным языком стираются, книжные

цитаты смешиваются с просторечием. Державный автор, преследуя цель выражения живой правды, пренебрегает всеми искусственными писательскими приемами.

Сочинения Иоанна IV относятся, в основном, к публицистическому жанру. Среди них особое место занимает его переписка с А. М. Курбским, бежавшим в 1564 г. в Литву, откуда тот и переслал Царю “укоризненное” послание. Ответом изменнику явилось обширное послание Царя, обозначенное как царское послание в “Российское... государство”, своего рода “открытое письмо”, адресованное не столько непосредственно Курбскому, сколько более широкой аудитории. В послании Иоанн IV излагал свою государственную программу: защищал свое право на самодержавную власть, осуждал “бояр”, под которыми он подразумевал все противоборствующие ему силы, придавая, таким образом, термину “бояре” более широкий смысл, чем это было тогда принято.

По форме это послание весьма нетрадиционно. В рамках одного и того же произведения мы можем заметить и высокую патетику, и дисгармонирующие с ней скоморошеские черты, по-видимому, популярные в опрочине. Здесь, в одном из главных публицистических произведений Иоанна Васильевича, обращает на себя внимание, прежде всего, его широчайшая эрудиция. Даже противник Государя князь Курбский признавал Царя как человека, “Священного Писания искусного”. Он явно наизусть цитирует целыми книгами, целыми посланиями Ветхий и Новый завет.

Но, обращаясь ко всему Русскому народу, Царь не мог ограничиться только высокопарной риторикой, цитатами из Библии и святоотеческой литературы. Для того чтобы показать неправоту его противников, нужны были конкретные и выразительные детали, и Царь нашел их. Нарисовав картину своего “сиротского детства” в период “боярского правления” и боярских своевольств в эти и последующие годы, Иоанн Васильевич обличает оппонентов-клятвопреступников. Даже те, кто считает данные аргументы не совсем соответствующими исторической действительности, признают, что в выразительности и художественной силе Государю отказать нельзя.

Из других полемических произведений Иоанна VI заслуживает внимания его послание в Кирилло-Белозерский монастырь, вызванное характерным для того времени явлением. Дело в том, что крупные землевладельцы, стремясь обезопасить свою жизнь, постригались в монахи и отдавали свои земли в монастыри, что приводило порой к превращению их в замаскированные боярские вотчины. Естественно, что послание, в котором мы встречаем свойственное для подобных произведений Государя крайнее самоуничижение - “А мне, псу смердящему: кому учить и чему наказати и чем просветити?” - направлено против такой опасной для самодержавия тенденции.

Важное место в творчестве Иоанна IV занимает комплекс связанных между собой посланий (Ходкевичу, Полубенскому и др.), написанных после успешно завершившегося похода в Ливонию в 1577 г., а также посланий 1567 г. - ответов на перехваченные грамоты, призывавшие бояр к измене - отправленных за границу хотя и от имени бояр, но обнаруживающих явные признаки литературного стиля Царя. Сочетание “подсмеятельного”, почти скоморошеского стиля с высокой риторикой, а иногда и с рассмотрением философских проблем — характерная особенность всех этих памятников.

Серьезные философские проблемы ставились Царем в его публицистическом введении к деяниям Стоглавого собора, а также в ряде его посланий, связанных с полемикой между православными и представителями других конфессий: протестантским пастором Яном Рокитой и иезуитом Поссевино. К числу таких посланий относится его ответ Яну Роките, а также “Послание против люторов” Парфения Уродивого — литературный псевдоним Царя, под которым он выступал не только в полемическом, но и гимнографическом жанре (стихиры).

Царь был писателем не только талантливым, но достаточно широко известным. Современники и авторы начала XVII в. упоминали о переписке Царя с бежавшим от него князем Курбским, послания Курбского и Царя упоминались в дипломатической переписке XVI в. Относящиеся уже не к публицистическим, а к богослужебным

произведениям стихиры Грозного Царя, почитаемого, кстати, в Московской епархии местночтимым святым, исполняются и по сей день.ⁱ

К принадлежавшим перу Иоанна IV произведениям духовной литературы относятся дошедшие до нас:

молитва Царя Иоанна Васильевича Божией Матери и святителю Петру, Митрополиту Московскому и всея России чудотворцу об избавлении от безбожных агарян;

тропари преподобному Даниилу, Переяславскому чудотворцу;

молитва Царя Иоанна Васильевича "О поможении Православному христианству от безбожных и злых изменников казанских татар";

моление царское за Божественной Литургией перед взятием Казани";

хвала Царя Богу после взятия Казанского Царства; стихиры в день Сретения Владимирской иконы Божией Матери, праздника установленного в память спасения Москвы от нашествия ордынского царя Ахмата в 1480 г.;

тропарь Преподобному Никите, столпнику Переяславскому;

тропарь, кондак и послание на перенесение святых мучеников и исповедников благоверного Князя Михаила Черниговского, и боярина его Феодора, чудотворцев, казненных в 1246 году в Орде;

стихиры на преставление святителя Петра, Митрополита Московского и всея России чудотворца;

канон Ангелу Грозному, воеводе и хранителю всех человеков, от Бога посланного по вся души человеческие. К тому же разряду произведений можно с полным правом отнести и Духовную Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича, Самодержца Всероссийского.

Эти произведения являются поистине жемчужинами русской литургической литературы, проникнутыми искреннею любовью к Богу, к уделу Пресвятой Богородицы - России и к своим подданным. Так, в молитве "О поможении Православному Христианству" с глубокой верой и чувством ответственности автора за своё царское служение Иоанн обращается к Господу со следующими прекрасными словами:

Боже, сотворивый небо и землю и вся, яже суть Твоя создания, и ведый Ты, Человеколюбец, тайная человеком, ничтоже еси иное помышлях, но токмо требую покою христианского! Се же врагы креста Твоего злые казанцы ни на что иное упражняются, но токмо снедати плоти раб Твоих сирых и поругати имя Твое святое, Егоже не могут знати, и осквернити святыя церкви Твоя: мсти им Владыко! По пророку реку: не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу, настави нас, Господи, на путь спасения и даруй ми пострадати за имя Твое святое и за порученное мне от Тебе христианство.

Неправда ли как величественно звучит эта молитва, к сожалению, актуальная и сегодня.

Патриаршая летопись сообщает, что после взятия Казани "видев же благочестивый Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси таковое милосердие Божие на себе и на всем своем христоролюбивом воинстве, и руже возведе ко Господу, благодарная молитвы приношаше, сице глаголюще:

Слава Тебе, всемилостивый Господе Иисусе Христе Сыне Божий, давший нам победу на врагы наша! Что Ти въздам, Господи, за вся благая, яже въздал еси нам? Слава Тебе, Господи, яко малое въздыхание сердца моего услышал еси и прошения наша исполнил еси и милость Свою изливал еси на нас с съпротивных наших до конца потребил еси! О премилостивая Владычице Богородице, слава Тебе, яко Твоими молитвами и заступлением побеждены враги наша! О всемилостивая Владычице Богородице, Ты с всеми святыми да и с нашими заступники новыми чудотворцы Рускими умолила еси Господа нашего Иисуса Христа с безначальным Отцем и

животворящим Духом, да услыша Господь молитву Твою и дал нам победительная на супостаты и покорил врагы наша под ноги наша, и от всех их прославляется Пресвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа и ныне и присно и в веки веком, аминь. Ты убо, Владыко Господи, освяти место сие святому Твоему имени.

Примечательно, что ко многим своим литературным произведениям Царь Иоанн Васильевич сам писал музыку. А. Рогов отмечает в аннотации к выпущенному в 1989 году фирмой "Мелодия" альбому "Стихиры Ивана Грозного" в исполнении Мужского вокального квартета под руководством Игоря Воронова: "Музыку, хоровое церковное пение Царь любил смолоду, любил всей душой... В храмах Александровской слободы, которая с 1564-го по 1572 год была его резиденцией, Царь почти ежедневно читал и пел. В слободе была заведена целая музыкальная школа, а во главе её стоял знаменитый русский распевщик Федор Крестьянин (Христианин) с учениками Иваном Носом и Стефаном Гольшем. Все они были выходцами из Новгорода, славившегося своими певцами и распевщиками. Царь не только любил хоровое пение и покровительствовал ему - известны и его собственные музыкальные произведения... Торжественно, словно поступь праздничного крестного хода, звучат стихиры Ивана Грозного. Как это было свойственно древнерусской музыке того времени, они строго унисонны, одноголосны. Поют только мужские голоса. Но строгая "соборность" характера пения не рождает однообразия или звуковой бесцветности. Великолепно "опеваются", многократно повторяясь, отдельные звуки, создавая как бы ювелирную огранку особо значимым по смыслу словам или фразам... Строгие и суровые, как сама эпоха, песнопения Ивана Грозного, вместе с тем, подлинно монументальны".

Иоанн IV Васильевич не был единственным художественно одаренным русским венценосцемⁱⁱ. Двоюродный правнук Грозного Царя **Алексей Михайлович** (1629-1645), второй представитель Династии Романовых на Царском троне, также оставил заметный след в культуре России допетровского периода. Как и его предков, Алексея Михайловича с детства учили церковному пению. Тогда же ему привили любовь к чтению. Позже Царь сам сочинял прозу и вирши. Примечательно, что именно ему принадлежат слова, ставшие затем народной поговоркой: "Делу время и потехе час". Отличался он и высоким художественным вкусом. Алексей Михайлович любил искусство Симона Ушакова и других талантливых русских мастеров. Под наблюдением Царя был создан чудесный дворец в Коломенском. В Измайлове под его руководством создавались пруды, строились оранжереи, разбивались сады и огороды, в которых росли даже "заморские" растения, например, виноград. Здесь же был устроен первый в России зоопарк - зверинец.

Царю Алексею обязан своим рождением и русский театр. Для своей молодой жены Натальи Кирилловны Алексей Михайлович по совету боярина А.С. Матвеева приказал "учинить комедию". В селе Преображенском под Москвой была построена специальная комедийная хоромина, где и состоялось несколько спектаклей. Сами пьесы, написанные, разумеется, на библейские сюжеты, перемежались веселыми интермедиями. Первое представление так понравилось Царю, что он смотрел его "в продолжение целых десяти часов, не вставая с места". При Алексее Михайловиче был поставлен и первый в России балет. После смерти Алексея Михайловича театральное дело в Москве прервалось, возобновившись лишь при Петре Великом.

Сын "тишайшего" Царя **Федор Алексеевич** (1661-1682) также получил прекрасное образование. Его учителем был Симеон Полоцкий. Именно он приобщил державного ученика к западной (в то время, в основном, польской) культуре. Учитель еще в детстве привил царевичу любовь к стихосложению. Псалмы, сочиненные Федором Алексеевичем вошли в "Псалтырь" Симеона. Некоторые молитвы Федор Алексеевич положил на музыку, мы и сейчас можем услышать его произведения. Федору Алексеевичу преподавали философию и риторику, польский язык и латынь. Учился царевич и церковному пению. Даже будучи Царем, он неоднократно во время службы пел на

клиросе. Федор Алексеевич собрал большую библиотеку, в которой хранились книги и на иностранных языках. Была у него и отдельная нотная библиотека. Именно в его правление было положено начало государственному профессиональному образованию в России. В 1682 году Царь издал указ об основании школ для нищих детей с обучением всевозможным ремеслам. Без преувеличения Царя Федора можно назвать просвещенным монархом. Очень любил Федор Алексеевич живопись и прикладное искусство, всячески поддерживал мастеров Оружейной палаты, интересовался вопросами архитектуры. По его чертежам были построены Малый дворец в Кремле и Алексеевская церковь Чудова монастыря. В любимом подмосковном селе Воробьево стараниями Царя был возведен новый дворец. В подмосковном селе Воскресенском Федор устроил "государев" сад и зверинец.

Если в доимперский период русская культура развивалась в основном в рамках Православия, то преобразования Петра Великого дали огромный толчок в развитии светского искусства, ярким представителем которого в XVIII веке была Императрица **Екатерина II Алексеевна** (1729-1796). Еще будучи принцессой Анхальт-Цербстской, София-Фредерика-Августа (в семье её звали Фике) получила основательное по тем временам образование. Она прекрасно знала немецкий и французский языки, могла изъясняться на итальянском и понимала английский.

С момента приезда в Россию Фике, нареченная после принятия Православия Екатериной Алексеевной, прилагала все усилия, чтобы сделаться истинно русской. В молодости Екатерина делала выписки из летописей, собирала рукописи и исторические материалы. Государыне обязана своим появлением на свет "Древняя Российская Библиотека", первое собрание исторических актов и документов. Затем, Екатерина снаряжала ученые экспедиции Палласа, Вельяминова, Лепехина, привезшие богатый археологический и исторический материал. С 1783 года она сама принялась за описание русской истории. Внешним толчком для этого труда было составление учебников по русской истории для внуков Александра и Константина, а уже в мае 1792 года Екатерина писала Гримму: "Я ничего не читаю, кроме относящегося к XIII веку". Два года спустя Екатерина писала ему же: "У меня множество благодарных дел: я читаю летописи и пишу. Вот такая страсть... Как приятно разбираться о Рюрике, Дмитрие Донском и др.; я люблю их до безумия". В 1796 году Екатерина писала, что через год надеется кончить свой труд по русской истории. Но судьба не благоволила ей в этом отношении: Екатерина умерла раньше, чем поставила последнюю точку.

Екатерина много времени уделяла и своим литературным занятиям. В 1769 и в 1770 годах она была негласным редактором журнала "Всякая всячина", а в 80-х гг. участвовала в юмористическом отделе журнала "Быль и небылицы".

Из написанного ею можно составить целую библиотеку. Некоторые из ее литературных произведений занимают довольно видное место в истории русской литературы XVIII века. Екатерина писала сказки, учебники, сатиры и драмы. Екатерина II была также автором либретто (из-за отсутствия музыкального слуха в музыке она, в отличие от своего супруга Императора Петра III Федоровича,ⁱⁱⁱ таланта не проявила) пяти опер: "Новгородский богатырь Болеславич" Фомина, "Горе-богатырь Косометович" Мартин-и-Солера, "Февей" Пашкевича, "Федул с детьми" Пашкевича и Мартин-и-Солера, "Начальное управление Олега" Сарти, Каноббио и Пашкевича.

Нужно отметить, что Императрица не была сторонником "искусства для искусства". Екатерина сама сознавалась, что она не прочь действовать сочинениями на умонастроение общества. Так, патриотическая драма "Олег" представляет собой иллюстрацию турецкой войны.

Нередко бралась Государыня за перо, чтобы в своих комедиях и комических операх остроумно и колко высмеивать общественные пороки. В своей комедии "О, время!" Императрица выступает против крепостного права. Главная героиня комедии госпожа Ханжихина после молитвы чешет свою кошечку и поёт: "Блажен человек, иже и скоты

милует". А в то же время барыня и "нас милует", рассказывает её девушка, - "жалует пощечинами". Затем Ханжихина идет к заутрене и там, то бранит своих крепостных, то шепчет молитвы, то посылает кого-нибудь пороть на конюшню.

Сатира российской Царицы распространилась и на ее иностранных "сестер" и "кузенов", в числе которых был и шведский король Густав III^{IV}. Созданию оперы-памфлета "Горе-богатырь Косометович" предшествовал военный конфликт между Россией и Швецией, возникший в 1787 году по инициативе шведского монарха. Эти события и подтолкнули Екатерину в острогротесковой форме представить "горе-богатырей", стремившихся любой ценой завоевать авторитет на политической сцене Европы. Либретто написано в жанре лубка, что позволило коронованному драматургу с веселой иронией не на поле брани, но на театральной сцене "расправиться" со своим шведским оппонентом. Сюжет "Горе-богатыря Косометовича" Екатерина извлекла из сказки о Фуфлыче-Богатыре. Опера приобрела такую известность, что великие князья Александр и Константин Павловичи выучили ее наизусть.

Некоторые из произведений Екатерины ставились в Большом театре, а большей частью в придворном. К этому были свои причины. В отношении комической оперы "Горе-богатырь Косометович", премьера которой состоялась 20 января 1789 г. в Эрмитажном театре, Императрица на напечатанном либретто написала: "На городском театре не давать, ради Иностранных Министров". В Москве же играть "Горе-богатыря" в городском театре было разрешено, так как "там не находятся Иностранные Министры".

Наверное, императрица с трудом бы поверила, узнав, что в конце XX столетия опера не просто переживет новое сценическое рождение, но и отправится на гастроли в страну ее политического оппонента. В преддверии 270-летия Императрицы в 1998 году в результате творческого содружества московского театра "Глобус" и Александринского театра Санкт-Петербурга опера, как одно из мероприятий грандиозного праздника "Стокгольм - культурная столица Европы-98", была представлена в здании Посольства России в Швеции.

Постановщиком оперы выступила режиссер Светлана Миляева, балетмейстером - Николай Реутов. Роль Екатерины Великой сыграла заслуженная артистка России Инесса Просаловская. Было найдено остроумное сценическое решение с опорой на музыку и гротесковый танец. Зрители словно попали в домашний театр, где разыгрывается озорное представление. Идея "императорского рашника" была усилена оформлением художника Александра Дубровина в стиле русского лубка. Литератор и переводчик Стаффан Скотт так оценил этот спектакль: "Шведы любят шутить со своей историей. К сожалению, наш Густав III был одержим плачевной идеей-фикс воевать с Россией. Он был предпоследним шведским королем, который не мог понять, что это бессмысленная затея. А спектакль у вас - легкий, остроумный, с отличными актерскими работами... Получился настоящий императорский капустник... Современному человеку полезно иметь представление о театральных войнах XVIII века - они дают нам пример цивилизованного спора. А если картонные мечи и способны кого-то поранить, то это не смертельно".

Но это не было единственной постановкой "Горе-богатыря" в наши дни. Спустя два с лишним века опера вновь ставится в России, в частности, она входит в состав репертуара Театра старинной музыки Московского университета.

Несмотря на столь живое участие в театральной жизни России, правды ради, надо признать, что Екатерина Великая сама не выступала на подмостках, но если уж мы заговорили о театре, следует отметить, что многие члены Российской Императорской Фамилии обладали весьма заметными актерскими способностями. Конечно же, в силу своего Августейшего статуса они не могли играть на публичной сцене и, поэтому не были профессиональными актерами. Однако в домашних спектаклях, где зрителями были, как правило, представители высшего света, многие из них участвовали с большим успехом. Наиболее видным "служителем Мельпомены" среди Романовых был праправнук Екатерины II, Великий Князь **Павел Александрович** (1860-1919). Графиня М.

Кляйнмихель вспоминала: "Он был... талантливым, выдающимся драматическим артистом, и не будь он принцем царской крови, он достиг бы громкой славы". На одном из спектаклей в Эрмитажном театре итальянский трагик Сальвини, увидевший игру Павла Александровича, сказал: "Как жаль, что такой талант погибает для сцены..."

Не был равнодушен к театру и Император **Николай I Павлович** (1796 - 1855), прозванный народом Незабвенным. Актер Федор Алексеевич Бурдин (1827-1887) вспоминал: "По обилию талантов русский театр тогда был в блестящем состоянии. Каратыгины, Сосницкие, Брянские, Рязанцев, Дюр, Мартынов, Самойловы, Максимов, Асенкова, не говоря уже о второстепенных артистах, могли быть украшением любой европейской сцены... Балет тоже отличался блеском, имея во главе первоклассных европейских балерин: Тальони, Фанни Эльслер, Черито, Карлоту Гризи, а из русских - Андреянову, Смиронову и Шлефот. Французский театр по своему составу мог соперничать с *Comédie Française* (Комидеи Франсез - театр в Париже); довольно назвать супругов Аллан, Брессана, Дюфура, Плесси, Вольнис, Мейер, Бертон, Руже, Готи, Верне, позднее Лемениль и других... Русская опера только что зарождалась, не имея ещё родных композиторов до появления Глинки, хотя и в ней были выходящие из ряда таланты, как, например, Петров и его жена. Петров как певец и актер исполнял Бертрама в "Роберте" в таком совершенстве, которого, по мнению знатоков, не достигал никто из иностранных артистов, появлявшихся на петербургской сцене". Этому блестящему состоянию русского театра искусство было обязано, прежде всего, Высочайшему вниманию. Ф.А. Бурдин пишет далее: "Театр был любимым удовольствием Императора, и он на все его отрасли обращал одинаковое внимание; скабрзных пьес и фарсов не терпел, прекрасно понимал искусство и особенно любил *haute comédie* (высокая комедия - фр.), а русскими любимыми пьесами были "Горе от ума" и "Ревизор". "Ревизора" Государю прочел В.А. Жуковский. Император с удовольствием выслушал комедию, смеялся от души и приказал поставить на сцене. Впоследствии он, по воспоминаниям Гоголя, говаривал: "В этой пьесе досталось всем, а мне в особенности". Между прочим, оказавшись в Италии без средств к существованию Николай Васильевич обратился за помощью лично к Государю и получил от него пять тысяч рублей (очень большие по тем временам деньги). В письме Гоголя Жуковскому мы можем прочесть: "...Я думал, думал, и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к Государю". Девять лет спустя, великий русский писатель писал: "Спасен я был Государем... Мне было приятно в эту минуту быть обязанным ему, а не кому-нибудь другому... Не забывают же, меня бы не было, может быть, на свете, если б не Государь".

Как здраво и глубоко понимал Николай I искусство, может служить следующий рассказ. В Москве, в 1851 году, с огромным успехом была сыграна в первый раз комедия Островского "Не в свои сани не садись". В конце того же сезона ее поставили в Санкт-Петербурге. Государь, страстно любя театр, смотрел каждую оригинальную пьесу, хотя бы она была в одном действии. Зная это, при постановке комедии Островского, чиновники ужасно перетрусили. "Что скажет Государь, - говорили они, - увидя на сцене безнравственного дворянина и рядом с ним честного купчишку!.. всем - и нам, и автору, и цензору, будет беда!" Начальство трепетало... Но, просмотрев комедию, Император остался отменно доволен: "Очень мало пьес, которые бы доставили мне такое удовольствие, как эта. *Ce n'est pas une pièce, c'est une leçon*" (это не пьеса, это урок - фр.). В следующее же представление Государь опять приехал смотреть пьесу и привез с собой всю Августейшую семью: Государыню и Наследника с супругой. Потом Николай Павлович еще раз приезжал смотреть комедию, весной после Святой недели.

Николай Павлович так хорошо был знаком с составом труппы, что без афиши знал фамилию каждого маленького актера. Милости Императора драматургам и артистам были неисчерпаемы. Доказательством тому служат не только неоднократные пособия Н.В. Гоголю, но и драгоценные подарки всем авторам, писавшим для сцены: Кукольникову, Полевому, Каратыгину, Григорьеву, а Полевому Государь, ввиду его стесненного положения, пожаловал пенсию. Во время болезни Дюра он прислал к нему своего доктора.

Узнав о плохом здоровье Максимова, приказал его отправить лечиться за счет дирекции императорских театров за границу. Любовь артистов к Царю доходила до обожания. Ф.А. Бурдин писал: "Трудно передать тот восторг, который он вселял своим ласковым словом, в котором равно выражались и приветливость, и величие. После представления каждой новой пьесы, имевшей мало-мальски порядочный успех, все главные исполнители получали подарки и были лично обласканы Государем". Во время пребывания Государя в Царском Селе, при дворе, постоянно были спектакли. Артисты приезжали с утра, завтракали во дворце, обедали, после обеда, если кому угодно, катались по парку в придворных линейках, предоставленных им по приказанию Государя. После спектакля ужинали и возвращались в Петербург. За эти спектакли все артисты были награждаемы Высочайшими подарками.

Либеральные "историки" изображают Императора Николая I таким грубым солдафоном, жестоким и недалеким фрунтовиком. Но что сказали бы они по поводу следующего, являющегося примером отношения Государя к воинской чести и не только к ней, ответа на вопрос актера Максимова: можно ли на сцене надевать *настоящую* офицерскую форму? Государь ответил: "Если ты играешь честного офицера, то, конечно, можно; представляя же человека порочного, ты порочишь и мундир, и тогда этого нельзя!".

Нигде так не выразилась снисходительность и любовь Государя к артистам, как в следующем происшествии. Однажды, после спектакля во дворце в Царском Селе, во время ужина в знаменитой янтарной комнате два маленьких артиста Годунов и Беккер, выпив лишнего, поссорились между собою. Ссора дошла до того, что Годунов запустил в Беккера бутылкой. Бутылка пролетела мимо, разбилась о стену и попортила её - от удара бутылки от стены отскочил кусок янтаря. Все страшно перепугались. Ни поправить скоро, ни скрыть этого нельзя. Государь, ежедневно проходивший по этой зале, не мог не заметить попорченную стену. Действительно, через несколько дней Государь спросил у министра двора, князя Волконского, указывая на стену: "Что это значит?" Министр ответил, что это испортили артисты, выпив лишний стакан вина. "Так на будущее время давай им больше воды", - сказал Государь. Тем дело и кончилось.

Российская интеллигенция поколение за поколением относилась к Николаю I отрицательно – его проклинали, его имя стало нарицательным - выражение "николаевская Россия" означало только одно: Россия, где правила жесткая, бездушная власть. Однако если посмотреть на Государя не ангажированным взглядом либерала или революционера, то он оказывается совсем не таков, каким многим хочется его представить. Эпоха Николая Первого не была периодом регресса, в том числе и в области культуры. Император хорошо сознавал необходимость в образованных, знающих людях, важность развития науки, искусства и образования. При нем увеличилось число гимназий, число учащихся в них почти утроилось. Получили развитие научные общества. Царь поддерживал научные издания. В Казани, Киеве и Санкт-Петербурге были построены обсерватории, причем Пулковская обсерватория была оборудована так, как никакая другая в мире. При Николае Павловиче были не только восстановлены закрытые ранее учебные институты, но и созданы новые. Говоря о культурном строительстве в ту эпоху, нельзя не отметить ориентацию Николая I на национальные традиции и допетровские ценности. Это проявляется и в бережном отношении к памятникам церковного искусства. Так, в 1834 году архитектор К. Тон (будущий создатель храма Христа Спасителя, инициатива создания которого принадлежала Царю Николаю I) получил указание приступить к работам в Ипатьевском монастыре Костромы и, по указанию Царя, "придать оному более наружного величия и благолепия... вместе с тем сохраняя все уцелевшие доселе остатки архитектуры и вкуса того времени, применяясь к ним в новой отделке монастыря".

Имя Царя Николая Павловича Романова никогда не предавалось забвению, хотя бы из-за связанности с именем Пушкина. Первая встреча Императора, по праву называемого "Рыцарем Самодержавия", с поэтом состоялась в московской резиденции Николая

Павловича, в Чудовом дворце.^у После личной беседы с А.С. Пушкиным Николай I, заявив, что разговаривал с "умнейшим человеком в России", представил Александра Сергеевича своим приближенным. Конечно же, поэт не мог не оценить великодушие, мужество, отзывчивость, честность, прямоту, верность слову и долгу, самоотверженность, служение родине, а не идее государства, любовь к рядовому человеку, желание блага и сознание своей ответственности перед Богом, присущие Николаю Павловичу. Это находит подтверждение в творчестве поэта. Как не пытаются некоторые "литературоведы" выставить Пушкина "певцом революции", немислимо вымарать из творчества великого русского поэта ни "Стансы", ни "Друзьям". Вот эти вдохновенные строки:

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет! Хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку;
Но мне он царственную руку
Простер - и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье;
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленье
Ему хвалы не воспую?..

(Друзьям, 1828 г.)

Возможно ли после этих слов удивляться *политическому кредо поэта*, который и в последние минуты жизни, уже будучи смертельно раненным, оставался преданным своему Государю: *"Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон - дерево, в законе слышит человек что-то жесткое и не братское. С одним буквальным исполнением закона далеко не уйдёшь; нарушить же его или не исполнить никто из нас не должен: для этого нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного Монарха - автомат: много, много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? - Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного Монарха то же, что оркестр без капельмейстера. Как ни хороши будут музыканты, но если нет среди них одного, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт"*.

Помимо театра, неподдельный интерес проявлял Император Николай Павлович и к изобразительному искусству. Об этом свидетельствует вице-президент Академии художеств, граф Федор Петрович Толстой (1783-1873), кисть которого сам А.С. Пушкин в своем письме к В.И. Григоровичу назвал "чудотворной". Вот, что рассказывает о встрече

Государя с посланными в Италию для практики талантливых русскими художниками этот известный медальер, график, живописец и скульптор, авторитет которого в художественном мире был безусловен:

"Государь был, во-первых, у живописца Иванова. Нашел его картину прекрасной, сделал некоторые замечания; удивлялся его труду, рассматривая его этюды, и на слова одного из присутствующих, что столько тут наделано рисунков и, кажется, было сказано: "Для чего?" Государь изволил сказать: "Чтоб сделать картину; иначе и нельзя". Очень расхвалил картину и велел Иванову оканчивать, с Богом.

В мастерской у Ставасера Император был восхищен статуею, вылепленную из глины, но не совсем еще в безделицах конченною, представляющею Нимфу, разубаемую молодым Сатиром. Хвалил сочинение, грациозность и отделку этой группы и велел произвести ее в мраморе. Очень хвалил начатую в мраморе и уже приходящую к концу статую Русалки; рассматривал его эскизы и сказал: "Не ленитесь только, а то у меня будет вам много работы!"

Был у Илимчен, который вылепил Нарциза и готовится рубить его из мрамора, и спросил "есть ли мрамор?", он показал. Спросил "довольно ли? окончательно ли сделана модель, чтоб рубить ее из мрамора?" — и когда художник отвечал, что — да, он сказал: "Вещь будет, кажется, хорошая; оканчивай".

Государь был у Иванова (скульптора - А.С.), рассматривал оконченную им в мраморе статую Ломоносова в юности, был доволен и очень хвалил. Видел начатую им статую, изображающую молодого человека-простолодина, замахнувшегося, чтоб убить камнем змею; это академическая фигура и еще не совершенно приведенная в порядок. Государь отнесся, что "нельзя много об ней судить, потому что она не кончена, но надо ожидать, что будет хороша; оканчивай"^{vi}...

В мастерской Рамазанова Государь был чрезвычайно доволен его статуею "Нимфа, ловящая у себя на плече бабочку"; хвалил очень постановку, грациозность и отделку; рассматривал его эскиз, сделанный для статуи в пандан к Ставасеровой группе, тоже Нимфа, у которой Сатир просит поцелуя. Эскиз этот очень понравился Государю, он только сказал: "Это уже очень выразительно; смягчи ее, а не то мне нельзя будет поставить ее в моих комнатах". Приказал ее сделать и произвести в мраморе.

Его Величество видел рисунки архитекторов и доски гравиров у себя в кабинете. Потом призвал их к себе, расхвалил их чрезвычайно, наскзал им столько лестного, что они вне себя от радости. Его Величество кончил свои похвалы сими словами: "Молодцы, вы и скульпторы меня порадовали".

Изобразительное искусство постоянно было предметом особенной любви и заботы Российского Императорского Дома. Об этом свидетельствуют хотя бы те прекрасные собрания, которые и по сей день являются гордостью лучших музеев мира. Неудивительно поэтому, что многие члены Императорской Фамилии, обладая тоником эстетическим вкусом, сами были талантливыми художниками.

Заметный след в этой области искусства оставила супруга Императора Павла I Петровича, Императрица **Мария Федоровна** (1759-1828). Все свои силы она отдала делу милосердия, общественного воспитания и образования, в том числе женского, которому начало положила еще Екатерина Великая. Мария Федоровна возглавляла множество учебно-воспитательных и благотворительных заведений, для управления которыми было организовано состоявшее первоначально из 14 женских учебных заведений и 25 медицинских и благотворительных учреждений специальное "Ведомство учреждений Императрицы Марии". Этот государственный орган просуществовал с 26 октября 1828 года до 4 марта 1917 г., когда число его заведений достигало уже нескольких сотен.

В.А. Жуковский, бывший чтецом Императрицы, накануне ее погребения написал восторженные строки:

Благодарим! Благодарим...
Тебя за жизнь Твою меж нами!

За трон Твой, царскими делами
И сердцем благостным Твоим
Украшенный, превознесенный...
... За благодать, с какою Ты
Спешила в душный мрак больницы,
В приют страдающей вдовицы
И к колыбели сироты!

Вся Россия могла бы присоединиться к этим трогательным словам любви.

Но императрица получила известность и как искусный медальер. По её инициативе в Петербургской Академии художеств был создан специальный класс, а её медали, в основном посвященные сыну, стали достоянием крупнейших музейных коллекций. Международным признанием таланта Императрицы стало избрание её в 1820 году членом Берлинской Академии художеств.

Еще одним из Августейших художников был Великий Князь **Петр Николаевич** (1864-1931), сын Великого Князя Николая Николаевича Старшего. Будучи Генерал-адъютантом (с 1908 г.), Петр Николаевич в армии занимался инженерно-фортификационным делом. Но главным его призванием, являлись, безусловно, живопись и архитектура. В этих искусствах Великий Князь достиг немалого профессионализма. Так, в 1913 году Петр Николаевич даже участвовал в выставках Императорской Академии художеств, проходивших в Петербурге. В области архитектуры особенно увлекался церковным зодчеством. По его проекту велось строительство храма-памятника русским воинам, павшим в Русско-японскую войну. По его же проекту в крымском имении Дюльбере был возведен дворец, похожий на неприступную средневековую крепость. Великий Князь Александр Михайлович вспоминал: «Я никогда не думал, что прекрасная вилла Петра Николаевича имеет так много преимуществ с чисто военной точки зрения. Когда он начал его строительство, мы подсмеивались над чрезмерной высотой толстых стен и высказывали предположение, что он, вероятно, собирается начать жизнь "Синей Бороды". Но наши насмешки не изменили решения Петра Николаевича. Он говорил, что никогда нельзя знать, что готовит нам отдаленное будущее". Правоту этих слов Романовы оценили, когда в страшные дни революционной смуты стены великокняжеского дворца укрывали их от грозившей расстрелом революционной солдатни».

Выдающимися способностями в области изобразительного искусства обладали также Великая Княгиня, а впоследствии Императрица^{vii} (в изгнании) **Виктория Федоровна** (1876-1936), бабушка ныне благополучно здравствующей Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны - Главы Российского Императорского Дома, и её, Виктории Федоровны, двоюродная сестра, родная сестра Императора Николая II, Великая Княгиня **Ольга Александровна** (1882-1960). Ольга Александровна писала русские иконы, которые дарила друзьям и знакомым, пейзажи для фарфоровой фабрики в Копенгагене. В общей сложности она оставила после себя несколько сотен живописных и графических работ.

Говоря об участии Императорского Дома Романовых в культурной жизни России, нельзя не упомянуть о Великом Князе

Владимире Александровиче (1847-1909), большом знатоке и ценителе живописи, истинном меценате и коллекционере, которого шведский журналист С. Скотт назвал "воплощением русского Великого Князя" и "фигурой Возрождения".

В двадцать лет третий сын Императора Александра II Николаевича вступает в управление своим имением. Получив 600 тысяч рублей на устройство собственного дома, Владимир Александрович начинает строительство великокняжеского дворца, одного из красивейших зданий Санкт-Петербурга, известного сейчас как "Дом ученых". Строительство было поручено профессору и ректору Императорской Академии художеств Александру Ивановичу Рязанову. Рязанов был специалистом в области русской

архитектуры, четыре года работал в Москве, помогая в возведении храма Христа Спасителя. Видимо это и определило выбор Владимира Александровича, который всегда отличался любовью к русскому национальному искусству. 21 сентября 1867 года состоялась торжественная закладка дворца в присутствии Великого Князя Владимира Александровича. По принятому обычаю архитектор был пожалован серебряной сигарошницей, а 173 рабочим были выданы ситцевые рубахи и устроено угощение.

По окончании строительства, и, особенно, после свадьбы двадцатисемилетнего Великого Князя и дочери Великого Герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II, Марии Павловны-старшей, Дворец Владимира Александровича стал настоящим средоточием культурной жизни российской столицы. Великокняжеский двор не уступал по пышности приемов, красоте фрейлин и роскоши апартаментов Зимнему дворцу. Так, для своей Малиновой гостиной Великая Княгиня привезла из Европы великолепный камин XVI века из бременского песчаника, а Владимир Александрович украсил ее замечательной люстрой из молочного венецианского стекла, которая приглянулась ему, когда он путешествовал по Италии.

Высокое положение Великого Князя, как следующего по старшинству брата Императора Александра III, обязывало Августейших супругов к устройству у себя во дворце музыкальных вечеров, карнавалов, балов и маскарадов. Бал 25 января 1883 года превзошел все забавы Зимнего дворца. Залы были заполнены русскими боярами, воеводами, витязями, варягами и печенегами. Костюмированный бал в исторических костюмах еще раз подчеркнул вкус хозяина дворца, который, по отзывам современников, был знатоком и радетелем отечественной истории. Владимир Александрович появился на балу в костюме боярина XVII века, сшитом из темно-зеленого бархата и отороченного собольим мехом. Мария Павловна была одета в роскошный костюм новгородской боярыни, кокошник и шубка которого были унизаны драгоценными камнями и жемчугом. Владимир Александрович, среди всех членов Императорской Фамилии, вообще выделялся пониманием ювелирного искусства. Именно он являлся одним из авторов первого императорского пасхального яйца, которое он заказал фирме Фаберже 4 мая 1887 года.

Особой страстью Великого Князя было собирательство произведений живописи. Обладая тонким художественным вкусом и соответствующими их статусу финансовыми возможностями, супруги постоянно приобретали для своего дворца самые изысканные произведения искусства. Задумав оформить парадную столовую в русском стиле, князь заказал художнику Верещагину картины на сюжеты русских былин и сказок. В русском стиле была выполнена печь, заказанная известному в то время керамисту Бонаферу, имевшему свою мастерскую на Императорском стеклянном заводе.

Свои заказы художникам Владимир Александрович тоже очень хорошо оплачивал. Так, Илья Ефимович Репин за картину "Бурлаки на Волге", когда-то эта картина висела в бильярдной Великого Князя, получил 2 тысячи рублей, сумма весьма значительная, если учесть, что золотое колечко стоило тогда 6 рублей. С этой картиной, в частности, связан такой забавный случай: "Ну, скажите, ради Бога, какая нелегкая вас дернула писать эту картину?!" - воскликнул министр путей сообщения Зеленой, рассматривая новое полотно - "Бурлаки на Волге", - "Да это допотопный вид транспорта. Он уже совсем сведен к нулю и скоро о нем не будет и помину! А вы - пишете картину и везете ее на выставку в Вену?! Я думаю, мечтаете найти какого-нибудь глупца-богача, который приобретет себе этих горилл, наших лапотников".

"Ну, скажите", - вспоминал Илья Ефимович, - "мог ли я после этой тирады сказать министру, что картина писалась по заказу Великого Князя Владимира Александровича и принадлежит ему?" Большая часть коллекции живописи Великого Князя Владимира Александровича после революции была передана Русскому музею, но некоторые картины по-прежнему украшают интерьеры дворца.

"Искусство он считал не забавой, а делом важным, имеющим государственное значение, и всегда был готов защищать русское искусство" - писал о Владимире

Александровиче вице-президент академии художеств граф Иван Иванович Толстой. Конечно, художественным наклонностям князя, как нельзя больше, соответствовала и должность президента Императорской Академии художеств, которую он занимал 34 года, вплоть до самой своей смерти в 1909 году. Он много сделал для знакомства Западной Европы с русским искусством. При его содействии с 1883 года в международных выставках участвуют все русские художественные силы, в том числе и самые левые его направления. Крупным событием в художественной жизни России было открытие в 1898 году, при участии великого князя, Русского музея.

Брат Великого Князя Владимира Александровича, **Сергей Александрович** (1857-1905) также был весьма одаренной личностью. Он хорошо рисовал, играл на фортепьяно, превосходно разбирался в литературе и изящных искусствах, подробно изучил все коллекции Императорского Эрмитажа, особенно любил итальянские школы живописи. Поэтому не случайно, что именно он стал председателем Комитета по устройству Музея изящных искусств им. Императора Александра III при Московском университете. Так, что это было не просто звание по положению члена Императорской фамилии.

Образование Великого Князя отличалось всесторонностью: его обучали и естественным, и техническим, и гуманитарным наукам, нескольким языкам, в том числе латыни, искусствам. Рисование Великому Князю преподавали члены Академии художеств А.Е. Бейдемманн и барон М.П. Клодт, историю - С.М. Соловьев, гражданское право - К.П. Победоносцев, будущий обер-прокурор Святейшего Синода. Особенно большие способности проявил он в гуманитарных предметах. Довольно легко давались Сергею Александровичу языки. Итальянский Великий Князь изучил настолько хорошо, что мог читать в оригинале Данте. Первым из Романовых Сергей Александрович познакомился с творчеством Ф.М. Достоевского. Великий князь стал горячим почитателем таланта великого русского писателя. Высоко ценил раннее творчество Льва Толстого в особенности "Севастопольские рассказы" и "Войну и мир". К гражданской позиции писателя Сергей Александрович относился негативно, но он был единственным, из высокопоставленных лиц, кто согласился передать Александру III письмо Толстого с призывом помиловать народовольцев.

Очень хорошо знал Великий Князь отечественную и мировую историю. О его горячей любви к прошлому говорит хотя бы то, что Сергей Александрович был избран почетным членом Московского археологического общества. Великий Князь был также основателем и почетным членом Русского археологического института в Константинополе, председателем Императорского Российского Исторического музея и председателем Императорского Православного Палестинского общества, а также Августейшим покровителем Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений.

Наиболее известным среди Романовых представителем науки был свободно владевший шестью языками Великий Князь **Николай Михайлович** (1859-1919), являвшийся также увлечённым коллекционером портретной живописи, миниатюр, рисунков и гравюр. Кстати, именно ему принадлежит инициатива издания справочника-альбома «Русские портреты XVIII—XIX вв.» в нескольких томах. В этом справочнике впервые был обобщён громадный корпус портретных изображений русских людей почти за два века истории живописи в России. К справочнику прилагались биографии изображенных на портретах лиц (над ними трудились замечательные историки — друзья и соратники Николая Михайловича).

Николай Михайлович прославился как крупный историк. Его авторитет в области истории царствования Александра I был общепризнан. Великий Князь был автором фундаментальных научных работ об этом Государе и его эпохе, о супруге Александра I - Императрице Елизавете Алексеевне, о сподвижниках Александра Павловича. Николаем Михайловичем была издана также переписка Императора с сестрой, Екатериной Павловной. Николай Михайлович трудился не только в петербургских архивах, но и в

хранилищах Мюнхена и Парижа. Он ввёл в научный оборот множество новых источников и материалов. Бесценным начинанием Николая Михайловича стала подготовка многотомного справочника по русскому некрополю - списков захоронений, надгробных надписей кладбищ Москвы, Петербурга и других городов. До Первой мировой войны под его руководством увидели свет многотомные «Петербургский некрополь» и «Московский некрополь». Учитывая гибель множества кладбищ, эти издания составляют золотой фонд отечественной исторической науки. Оставил Великий князь след и в истории русской охоты, выпустив в 1917 году книгу «Наблюдения по охоте на диких гусей». За свои научные работы Николай Михайлович удостоился звания почётного члена Императорской Академии наук и ряда других научных званий (в том числе, доктора Берлинского университета, от которого Великий Князь отказался после начала Первой мировой войны). Даже после революции, будучи уже в тюрьме и не имея под рукой необходимых материалов, Николай Михайлович продолжал свою научную работу — писал книгу о деятельности М. М. Сперанского.

Но истинным его призванием была зоология, в частности, тот её раздел, который называется энтомологией - наукой о насекомых. Николай Михайлович был всемирно известным специалистом в области лепидоптерологии, т.е. в той части энтомологии, которая занимается чешуекрылыми (бабочками). Уже в 18 лет Николая Михайловича избирают членом Французского энтомологического общества.

Вот как характеризует работу Великого Князя в этой области известный энтомолог, сотрудник Зоологического музея Московского университета А.В. Свиридов: "Николай Михайлович проводил сборы бабочек, даже находясь на театре военных действий в Карской области. Так, экземпляр одного из открытых им новых видов был пойман прямо в его походной палатке. В течение 10 лет Николай Михайлович посвящал все свое свободное время изучению чешуекрылых Кавказа. В 1878 г. (*т.е. в 19 лет - А.С.*) он был принят в действительные члены Русского энтомологического общества... 2 ноября 1881 г. он принял предложение Общества стать его почетным президентом. На этом посту он с честью и пользой для Общества и науки трудился вплоть до 1917 года".

Николай Михайлович собрал крупнейшую по сей день в России коллекцию чешуекрылых, содержащую по оценке на 1900 г. 13904 вида и 110220 экземпляров. Специалисты писали, что она «чрезвычайно полна во всех отношениях, главным же её достоинством является удивительно богатый, один из первых в мире, подбор видов палеарктической фауны» (под палеарктикой в зоогеографии понимается область, охватывающая Европу, Северную Африку и Азию умеренного климата). Коллекция бабочек Великого Князя включала типы (эталонные экземпляры) таксонов (так зоологи называют группы животных объектов в составе их классификации — виды, роды и т. д.), описанных самим Николаем Михайловичем, а также целым рядом сотрудничавших с ним известных лепидоптерологов: Э. Л. Рагоно, С. Н. Алфераки, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. Г. Ершовым, В. Гедеманом, Г. Ф. Христофом, Ю. Кеннелем, О. Штаудингером и др. В коллекции, помимо их сборов, находились бабочки, собранные Л. Ф. Млокасевицем, А. Беккером, Г. И. Сиверсом (управляющим делами Николая Михайловича) и др. С 1880 г. для занятий с коллекцией Николай Михайлович привлек энтомолога Г. Ф. Христофа, а для издательской деятельности в 1887 г., приобретя коллекцию ученого, — С. Н. Алфераки.

В 1900 г. находившаяся в 30 шкафах коллекция была подарена Николаем Михайловичем Зоологическому музею Императорской Академии наук. Один шкаф с материалом был тогда же передан Кавказскому музею в Тифлисе. Коллекция сохранилась поныне в тех же шкафах, пережив невзгоды последующих времён. На 1900 г. в ней насчитывалось 13774 экземпляра экзотов и 96446 — палеарктов. Среди палеарктов было 18258 экземпляров булавоусых (дневных), а также 51238 разноусых (ночных, включая 18 988 микрочешуекрылых). Кроме того, 26950 экземпляров составляли дублиеты и материал. Куратор петербургского музея отмечал, что это было «самое ценное и самое крупное поступление... за всё существование Зоологического музея».

В фундаментальном труде Великого Князя «Чешуекрылые Закавказья» описано 1125 видов — на сегодняшний день это самая полная сводка данных по этому региону. Свои научные труды Великий князь подписывал просто «Н. М. Романов», деликатно ставя себя в ряд с другими учёными. Он описал 10 таксонов и ввёл их в научный оборот. Среди них — прекрасная бабочка *Colias olga Rom.*, названная им в честь матери — Великой княгини Ольги Фёдоровны. Демонстрируя признательность за труды Великого Князя, в его честь коллеги назвали 18 таксонов насекомых. Среди тех, кто давал эти названия, мы видим и замечательного географа Г. Е. Грумм-Гржимайло, и сына великого путешественника П. П. Семёнова Тянь-Шанского — А. П. Семёнова Тянь-Шанского, а также британских, французских, германских, швейцарских и голландских учёных. И сегодня в Панаме обитает *Romanoffia imperialis*, а в Центральной Азии — жужелица *Carabus romanowi*. Мало кто из представителей царствующих династий может похвастаться такой честью.

Другим замечательным итогом деятельности Николая Михайловича в области энтомологии является 9-томное издание «Научные исследования («мемуары») по чешуекрылым», выходящее под редакцией Великого Князя на французском и немецком языках в 1884 – 1901 годы. Это издание содержит большое число описаний новых таксонов, в первую очередь с территории Российской Империи и соседних стран. Оно прекрасно иллюстрировано, снабжено множеством таблиц, раскрашенными от руки изображениями чешуекрылых, а также превосходными географическими картами соответствующих регионов. В написании статей принимали участие многие известные лепидоптерологи России и других стран, с которыми сотрудничал Николай Михайлович.

Помимо Николая Михайловича, научной деятельностью занимались и другие члены Императорской Фамилии, в частности, сын Великого Князя Владимира Александровича, муж знаменитой балерины Мариинского театра Матильды (Марии) Феликсовны Кшесинской **Андрей Владимирович** - сенатор, Председатель Русского историко-генеалогического общества во Франции (1879-1956), имевший серьёзную юридическую подготовку, а также Великий Князь **Константин Николаевич** (1827-1892) - почетный член Петербургского, Дерптского, Казанского университетов и Императорской академии наук, председатель Императорских Русских Географического, Археологического и Музыкального обществ.

Говоря о вкладе Российского Императорского Дома в русскую культуру, мы не можем не уделить особого внимания творчеству самого, наверное, известного в этой связи из Романовых, Великого Князя **Константина Константиновича** (1858-1915), сына Константина Николаевича. Константин Константинович даже для своего времени, когда в среде образованного общества стихосложение, рисование и музицирование не было исключением, был выдающейся по своим художественным способностям личностью.

В истории российской науки он навсегда останется своей деятельностью во главе Императорской Академии наук, а также как действительный член Императорских обществ: Поощрения художников и Русского Музыкального, почетный член Николаевской Инженерной академии, Русского археологического института в Константинополе, Русского Исторического и Русского Астрономического Императорских обществ, Президент Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русского Археологического общества, Русского общества деятелей печатного слова, председатель Комиссии по вопросу о русском правописании при Академии наук, председатель академической комиссии по реформе календаря, основатель женского педагогического института в Санкт-Петербурге и, конечно же, главный начальник и генерал-инспектор военно-учебных заведений.

Однако настоящую славу принесло ему художественное творчество. Летом 1886 года вышел из печати первый сборник стихотворений, подписанных "К.Р." (Константин Романов), за ним последовали регулярные публикации поэтических и драматических произведений, переводов^{viii}, критических статей.

Именно литературное творчество считал Великий Князь главным делом своей жизни. В одном из стихотворений "державный пиит" писал:

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь,
Но тем, что песни русские родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу Матушки России
Священный подвиг совершу певца...

И, действительно, многие произведения К.Р. стали песнями. Проникновенные строки стихотворения "Умер бедняга! В больнице военной Долго родимый лежал..." стали истинно народной песней. Романс П.И. Чайковского "Растворил я окно" вошел в золотой фонд русского музыкального искусства:

Растворил я окно, - стало грустно невмочь, -
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей -
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей,
Об отчизне я вспомнил далекой.

Где родной соловей песнь родную поёт
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролёт
Над душистою веткой сирени.

В период декаданса, когда в поэзии царили мотивы смерти, отчаяния и безнадежности, Константин Константинович, продолжая традиции Жуковского, Пушкина, Тютчева, Алексея Константиновича Толстого, сочинял светлые, радостные, одухотворённые стихи. С такими яркими представителями русской лирики, как Фет, Майков, Полонский, Великого Князя связывала горячая и искренняя дружба. Константин Константинович преклонялся перед творчеством Ф.М. Достоевского, который, по воспоминаниям К.Р., предсказал поэту великую будущность. По приглашению Великого Князя многие мэтры русской литературы участвовали в так называемых "Измайловских досугах", литературно-музыкальных вечерах, организованных Константином Константиновичем для своих сослуживцев по одноименному гвардейскому полку. Здесь звучала музыка, читались стихи, ставились любительские спектакли, зачастую не уступавшие профессиональным. Проводились "досуги" под девизом "Доблесть, Доброта, Красота", на эмблеме были изображены обвитые цветами лира и меч.

Несмотря на то, что Великий Князь, в отличие от большинства родственников, не отличался быстрым продвижением в чинах, он горячо любил армию и военную службу. Дух воинского товарищества был одной из основных тем его поэтического творчества:

Наш полк! Заветное чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас - всё так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,

Ты, бранной славою увенчанный в бою!
Чьё сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою.

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Всё благородное: отвага, доблесть, долг,

Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере Православной
В едином слове то сливается: наш полк!

1899

Заслуги Великого Князя Константина Константиновича перед русской культурой, действительно, огромны. Именно он организовал в 1900 г. отделение (разряд) изящной словесности Императорской Академии наук, в состав которого были избраны Лев Толстой, Чехов, Владимир Соловьев, Короленко. По инициативе Великого Князя был создан Пушкинский Дом (сейчас - Институт русской литературы Российской академии наук). Любовь Константина Константиновича к родному слову была безграничной. Наделенный безупречным вкусом, он был одним из постоянных рецензентов представлявшихся на Пушкинскую премию произведений. Рецензии Великого князя, составившие изданный в 1915 году отдельный том его сочинений, всегда были глубоки и беспристрастны.

Много сил отдавал К.Р. и музыке, в которой обладал значительными познаниями. Теорию музыки ему преподавал известный критик Г.А. Ларош, исполнительскому искусству учили виолончелист И.И. Зейферт и пианист Р. Кюндигер. Многие выдающиеся композиторы - уже упоминавшийся П.И. Чайковский, а также С.Р. Рахманинов, Ц.А. Кюи, Э.Ф. Направник, А.К. Глазунов - писали свои произведения на слова К.Р. Сам он сочинил три романса на слова А.К. Толстого, А.Н. Майкова и даже Виктора Гюго. Великий Князь с успехом давал домашние концерты, а однажды выступил на публике. Одним из первых исполнил Константин Константинович Первый концерт Чайковского для фортепиано с оркестром.

В своих постановках "Гамлета" и "Царя Иудейского" выступал Константин Константинович и как актер. В последней пьесе, на сцене Эрмитажного театра, Великий Князь играл Иосифа Аримоефийского. В спектакле также участвовали его сыновья: **Константин, Иоанн, Игорь**^{ix}. Именно эти трое сыновей Константина Константиновича, убитые большевиками летом 1918 года под Алапаевском вместе с сестрой Императрицы Александры Федоровны, вдовой Великого Князя Сергея Александровича - преподобномученицей Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, 1 ноября 1981 г. были в сонме Новомучеников Российских канонизированы зарубежной Русской Православной Церковью.

Среди сброшенных большевиками в шахту был и князь **Владимир Палей** (1896—1918). Сын Великого Князя Павла Александровича от мorganатического, неравнородного брака, он не приобрел статуса члена Императорской Фамилии, но его мужество перед лицом смерти, когда он счел невозможным остаться на свободе в обмен на отречение от отца и своих родственников, дает нам полное право, рассматривая культурное наследие Российского Императорского Дома, посвятить ему несколько строк

Владимир Павлович Палей - писатель, писавший на русском и французском языках, в России до недавнего времени был практически неизвестен. Он обращался к драматургии и прозе, писал в жанре притч - "Человек и его вера", "Сад скорби и радости". Но главное в литературном наследии Владимира Палея - его поэзия.

Он успел выпустить всего два сборника стихов, в 1916 и 1918 годах. И, хотя в год издания его первого сборника ему было всего чуть больше двадцати лет, в своих произведениях поэт выступает вполне зрелым человеком. Владимир Палей, окончивший в 1913 году пажеский корпус и уже в двадцать один год переведший на французский пьесу Великого Князя Константина Константиновича "Царь Иудейский", был весьма замечательной личностью. Богатая одаренность, огромная культура и глубокие духовные искания позволили ему сразу войти в поэзию с произведениями высоко художественными и современными, способными указать и сегодня важные нравственные ориентиры:

Куда вы стремитесь так жадно,
Вы все, что живете кругом?
Куда вы стремитесь бегом,
Куда вы стремитесь так жадно?
Зачем моей грёзе отраднo
Глядеть на ваш пьяный содом?
Куда вы стремитесь так жадно,
Вы все, что живете кругом?

Владимир Павлович, семья которого жила в Царском Селе, остро ощущал свою принадлежность русской поэзии, возводил истоки своего творчества к Пушкину, которому посвящены "Смерть Пушкина" и стихотворение "Перед памятником Пушкину". Он ощущал свою принадлежность к традиции А. Майкова и А.К. Толстого, ценя сравнение с ними. Он был предан и своему дяде Константину Константиновичу. Он ценил Тургенева. Он - продолжатель лучших и особенных традиций русской поэзии.

Но, вместе с тем, он - поэт своего времени, ему близка поэзия символистов. Глубокие размышления о связи временного и вечного способны пробудить в поэте буквально каждое, даже и незначительное, явление, каждый самый, казалось бы, незаметный предмет. Стихи, посвященные сложнейшим проблемам бытия могут называться "Аметист", "Клавесин", "Пепельница"...

В целом, поэзию Палея следует отнести к области философско-религиозной лирики. В этом несомненная и особенная ценность стихотворений поэта:

Черные ризы... Тихое пенье...
Ласковый отблеск алых лампад...
Боже всеильный! Дай мне терпенья:
Борются в сердце небо и ад...
Шепот молитвы... Строгие лики...
Звонких кадилниц дым голубой...
Дай мне растаять, Боже великий,
Ладаном синим перед Тобой!

(Великим постом, 1917)

Религиозная тема - одна из ведущих в его творчестве, и поэтому назначение поэта у него, как у многих поэтов начала прошлого века, неразрывно связано с призванием человека к вечной жизни.

...Разве не узник и ты, о Поэт? Ты телесно
Жизнью прикован к земному понятию о ней,
Вечно ты слышишь душой, словно хор поднебесный,
Вечно ты должен томиться со скорбью своей...

(1915)

Отдаваясь святому лиризму,
Я про немощь свою забывал,
И на страсти смотрел я сквозь призму
Непорочных далеких начал.

(Посвящается К.Р., 1915)

В то же время поражает глубокий трагический лиризм двадцатитрехлетнего поэта:

В исканиях любви мы ценим только то,
Что нами куплено жестокою ценою,
Что грубо властвует над телом и душою,
Что унизительно и больно прожито.

.....

В исканиях любви желаем мы себя,
И восторгаемся своей притворной властью.
И, часто думая, что любим высшей страстью,
Ничем и никому не жертвуем, любя...

(1917)

О, не бледней, Хранитель мой крылатый,
Из-за меня рыдавший столько раз,
Когда, весенним пламенем объятый,
Я не тушу восторга юных глаз!
Мир так красив и счастье так хрупко...

Но поэзии Палея не были свойственны декадентская разочарованность и бегство от жизни. Он - полный жизни молодой человек, который любит природу, свой народ, ценит радостные впечатления:

Мне дорог час, когда царицей властной
Встает вдали румяная заря,
И к жизни вновь готовится прекрасной
Душа, любовью трепетной горя...

(1915)

Настоящая культура всегда связана с прошлым. Частое обращение к истории характерно и для поэзии Владимира Павловича. В преддверии ужасной смуты его неоднократно привлекал трагический образ Марии Антуанетты:

На этих клавишах, обвеянных мечтой,
Покоилась рука Марии Антуанетты
О, вы, мечтатели, вы, юные поэты,
Как я, вы видите ее перед собой?..

Предчувствия трагической судьбы постепенно обретают более определенные очертания. В мае 1917 года поэт вкладывает в уста казненной королевы страшное пророчество:

Настал кровавый, бурный век. Отныне
Цари должны нести свой тяжкий крест.
На смену им идет народ свободный —
Свободный только на словах — на деле,
Лишь праздный страшной праздностью злодея!
Не забывай, что дни те недалеки,
Когда толпы сдержать уже не смогут.

.....

И помни, что за символом короны
Таится Божье Царство в небесах!

В ежедневных, происходящих на его глазах событиях Палей безошибочно почувствовал приближение "врага человеческого". Кажется, никто из крупных деятелей культуры того времени не воспринял революцию в таком ракурсе, никто из них не увидел в ней прямого богоборчества, вместе с верой разрушающего и уничтожающего все высокие и светлые проявления жизни.

В августе 1917 года, он написал стихотворение "Антихрист", где есть такие строки:

Идет в одежде огневой
Он править нами на мгновенье,
Его предвестник громовой –
Республиканское смятенье.
И он в кощунственной хвале
Докажет нам с надменной ложью,
Что надо счастье на земле
Противоставить Царству Божью.
Но пролетит короткий срок,
Погаснут дьявольские бредни
И воссияет крест высок...

Лучшие произведения Палея по силе и красоте не уступают творениям великих поэтов "серебряного века", а по нравственной чистоте он, зачастую, оказывается выше многих из них.

Помимо литературы, заметное место в жизни Российских Государей занимала музыка. Как уже говорилось, музыкальному творчеству не были чужды Иван Грозный, Алексей Михайлович, Император Петр III. Но ими, как и Великим Князем Константином Константиновичем, не исчерпываются примеры музыкальной одаренности представителей Августейшей Семьи.

Так, правнук императора Павла I Петровича - Герцог **Георгий Георгиевич Мекленбургский** (1859-1909), с детства живший в России, также страстно увлекался музыкой и даже занимался сочинительством. Георгий Георгиевич, в частности, выступал в составе основанного им в 1896 г. струнного квартета - так называемого "Квартета Мекленбургского". Человеком, проявлявшим немалые музыкальные дарования, запомнился тем, кто его знал, и Великий Князь **Вячеслав Константинович** (1862-1879), скончавшийся в шестнадцатилетнем возрасте от туберкулеза.

Нельзя не сказать об отношении к музыке и Императора **Александра III Александровича** (1845 - 1894). Его представляют себе, как правило, угрюмым, немногословным и не всегда сдержанным в выражениях домоседом, этаким увальнем, "настоящим русским медведем". Думается, что такое впечатление складывается, в основном, из-за крупной фигуры Государя и отражавшегося, естественно, в манерах Самодержца осознания всей полноты достоинства Божьего Помазанника. В действительности же Александр Александрович был и достаточно много знающим, и тонко чувствующим, и очень простым, даже, застенчивым в общении человеком.

Он любил и хорошо знал отечественную историю, был Почетным Председателем Императорского Русского исторического общества, годовые собрания которого довольно часто проходили в Аничковом дворце^x, где Наследник жил со своей семьей. Как и его младшие братья, Государь прекрасно разбирался в живописи и имел довольно обширную собственную коллекцию произведений русского и зарубежного искусства. Число произведений только западноевропейских мастеров к 1894 году в ней достигало ста тридцати. Для экспозиции собрания живописи во Дворце по проекту архитектора И. Монигетти был создан личный музей. В 1869 году этот же архитектор устроил театр для домашних спектаклей. Проект театральной занавеси для Дворца, который изображал легкие, фантастические, смеющиеся, женственные сюжеты был выполнен академиком М.А. Зичи.

Из театральных представлений Наследник любил веселую, французскую комедию и от души громко и добродушно смеялся в комических местах. Довольно часто актерами были представители петербургской придворной знати и члены императорской семьи, в том числе молодые Великие Князья Владимир и Алексей Александровичи. В 1871 году на балу у Наследника были показаны одноактная комедия "Вавилонская башня", водевиль "Бедовая бабушка" и музыкальная буффонада "TROMB-AL-CA-ZAR". Программу к этим спектаклям рисовал художник А. Шарлемань.

Среди представителей творческой интеллигенции в Аничковом дворце бывал и художник Алексей Петрович Боголюбов, у которого с Наследником сложились теплые, дружеские отношения, основывавшиеся на общей любви к искусству. Укреплению этой дружбы способствовала супруга Александра Александровича, Великая Княгиня **Мария Федоровна**, занятиями искусством которой художник руководил. Написанный Марией Федоровной в 1870 году "Портрет кучера Григория" свидетельствует о том, что она хорошо владела техникой масляной живописи. Эту картину отличают тщательность и педантичность исполнения. 16 декабря 1880 года Александр Александрович познакомился с великим русским писателем Ф. М. Достоевским, который хотел поделиться с Наследником своими идеями по русскому и славянскому вопросу.

С особенным интересом и увлечением относился Александр Александрович к музыке. Ещё в ранней молодости он вместе со своим старшим братом, Великим Князем **Николаем Александровичем** (1843-1865), который, между прочим, был замечательным спортсменом и подающим надежды поэтом, а также с генералом Половцевым, музыкантами Вурмом и Тюрнером составляли скромный домашний квартет. Впоследствии Наследник Престола часто посещал также музыкальные вечера, устраиваемые молодежью из высшего общества. На одном из таких вечеров, по воспоминаниям офицера лейб-гвардии Преображенского полка Александра Александровича Берса, Цесаревич прекрасно сыграл на корнете с аккомпанементом оркестра маленькую арию из оперы Гунно "Фауст". Затем Великий Князь, сидя рядом с бароном Владимиром Александровичем Фредериксом, пел партию второго тенора в известных в то время квартетах из Liedartafel (сборник музыкальных пьес) - квартет Härtel'a "Ich grüsse dich" (Приветствую тебя - нем.) в течение всей жизни был любимым произведением Александра Александровича. Этот полное вдохновения сочинение было аранжировано по его желанию на все лады: и для септета, и для большого медного оркестра. Потом, каждый раз, вспоминая о нём, Государь начинал слегка его напевать, а на лице его можно было прочесть воспоминания чего-то хорошего, мягкого, выливавшегося прямо из глубины души.

В 1869 году образовался духовой септет, в котором помимо Наследника (корнет), участвовали А.А. Берс (бас) и принц Александр Петрович Ольденбургский^{xi} (альтгорн), граф Адам Васильевич Олсуфьев (корнет), граф Александр Васильевич Олсуфьев (корнет), граф Михаил Викторович Половцев. В составе септета выступали также профессиональные музыканты Шрадер, Тюрнер и Бергер. В позднейшее время к септету присоединился барон Александр Егорович Мейендорф (альтгорн).

В 1872 г. на основе септета по инициативе Великого Князя был основан "Хор^{xii} Наследника Цесаревича Александра Александровича". Кроме наследника Цесаревича, из Высочайших особ, в состав оркестра входили трое принцев **Ольденбургских, Николай, Александр и Константин Петровичи**^{xiii}. Хотя хор состоял в основном из военных музыкантов, как правило, офицеров гвардейских полков, в его выступлениях принимали участие также и штатские лица - А.А. Волоков, П.К. Альбрехт, князь А.А. Прозоровский-Голицын, В.Е. Бок, И.И. Горбунов, Н.А. Вонлярлярский, А.А. Александров и музыканты, участвовавшие в первом септете.

Его Высочество играл уже не на корнете, а исполнял партию самого низкого баса на очень большом медном геликоне, в который надо было сначала влезть головой, а уже потом положить на плечо. Александр Александрович заказал себе инструмент особенно больших размеров, так как в геликоны обыкновенных размеров ему было влезть невозможно. Как и ко всему, чем занимался в своей жизни, Августейший музыкант относился к репетициям и концертам с большой ответственностью и во время скучного, но необходимого разучивания пьес никогда не выказывал хотя бы малейшего нетерпения. Напротив, он был всегда рад, когда Вурм добирался до басов и проходил с ними отдельно их партию. В таких случаях Его Высочество всегда беспрекословно и с большим

терпением исполнял все требования дирижера, относившегося к басам не менее требовательно, чем к другим голосам.

В самом начале оркестром дирижировал Беккель, помощник заведующего хорами гвардии, а после его смерти - Шрадер. В позднейшее время заведование оркестром перешло к Вурму, а Шрадер стал исполнять партию 1-го корнета. Недостатка в хороших пьесах не было. В репертуаре музыкантов были, например, Бетховен, Глинка, Шуман, Вагнер, Мейербер и др.

Оркестр выступал три первых четверга месяца в большой зале морского музея в здании Адмиралтейства. В четвертый четверг хор давал концерт в Аничковом дворце. Эти концерты давались для Цесаревны, не имевшей нигде более возможности послушать музыку, в которой участвовал Великий Князь. Кстати, Мария Федоровна не только обладала тонким художественным вкусом, проявившемся в убранстве Дворца, но отличалась замечательной музыкальной памятью. Когда оркестр сыграл "Frühling's Erwachen" (Пробуждение весны - нем.) Баха, Цесаревна подошла к оркестру и заметила Цесаревичу, что самый конец пьесы передан не совсем верно. И, действительно, как вспоминал А.А. Берс, тот, кто ангажировал пьесу, не обратил должного внимания на характер конца; он вышел тяжелым, тогда как у Баха в оригинале он был мягкий, изящный. Во дворец к сыну весьма часто послушать музыкантов приезжал Император Александр II Николаевич, который иногда просил исполнить его любимые пьесы и с улыбкой следил за своими тремя свитскими генералами, подвигающимися в турецкой музыке.

Выступал оркестр также в Зимнем и Павловском дворцах. Концерты давались как бесплатно, так и за плату. Причем средства от выступлений зачастую направлялись на благотворительные цели, например, в пользу раненных в Русско-турецкую войну нижних чинов.

К сожалению, после восшествия на Престол Александр III уже не имел досуга для подобного времяпрепровождения, но оркестр, переименованный в "Общество любителей духовой музыки", продолжал свои выступления. В память о счастливых и беззаботных временах, окончившихся для Александра Александровича с убийством народовольцами его отца Александра II, всем членам "Хора" был вручен для ношения на шее жетон с инициалами и Царской над ними короной.

* * *

Долгое время монархический период нашей истории расценивался исключительно, как царство жестокости и невежества, а сами Российские Государи и их Августейшие родственники представлялись, как люди бездарные и недалекие.

Однако, как мы видим сегодня, мало, кто из послереволюционных лидеров нашей страны, да, что греха таить, и из нас с вами, по уровню своего развития хотя бы близко подошел к, казалось бы, самому "незаметному", в прочтении кичащейся интеллигентностью либеральной историографии, представителю славного рода.

Сегодня, когда остался позади кровавый XX век, когда отброшены известные идеологические установки, каждому объективному читателю очевидно, что Царская Семья, даже и по сравнению со знаменитыми династиями в области искусства и науки, представляет собой в русской культуре, явление выдающееся, если не уникальное.

ⁱ Стихира (греч. — многотишие) — богослужбное песнопение, состоящее из множества стихов, которые написаны одним размером и предваряются, как правило, стихом из Св. Писания. Стихиры исполняются во время богослужения на вечерне (после псалма *CLX* — "Господи воззвах..."), в конце вечерни и утрени, если нет великого праздника, и в конце утрени после псалмов *CLVIII*, *CLIX* и *CL*.

ⁱⁱ Сын Царя Ивана IV - Царевич **Иван Иванович**, как и отец не был чужд книжным занятиям. Он занимает свое место в ряду писателей XVI века - им было переработано, и очень талантливо, составленное ранее монахом Ионою житие Антония Сийского.

ⁱⁱⁱ Император **Петр III Федорович** (1728-1762) очень хорошо играл на скрипке и уже в России выступал в составе придворных оркестров. Любовь его к музыке была так сильна, что даже в последних записках он умолял не разлучать с любимой женщиной и дорогой ему скрипкой. Кстати Прусский Король Фридрих Великий Гогенцоллерн, которого обожал Император и который был двоюродным прадедом Российской Императрицы Александры Федоровны, супруги Императора Николая I, и прапрадедом Императора Александра II – Освободителя оставил после себя тридцать томов своих произведений, в том числе, шесть томов стихотворений и поэм.

^{iv} Густав III (1746 - 1792), король Швеции с 1771 г, правивший в духе просвещенного абсолютизма. Он был автором опер и трагедий, одна из которых была посвящена русской истории. Впрочем, своей посмертной известности Густав III обязан не столько себе, сколько Джузеппе Верди, который сочинил на тему его насильственной смерти оперу "Бал-маскарад" - в 1792 году Король был смертельно ранен участником дворянского заговора.

^v Император сумел побеседовать с Пушкиным так, что, по отзывам самого поэта, расположил его к себе. Противники Самодержавия утверждают, что всё это только благодаря "актерским способностям" Царя. Но неужели же Пушкин не мог бы различить лицемерия? Или сам Пушкин лицемерил? Что сказал бы великий русский поэт о такой клевете? Вряд ли с его представлениями о чести он отнесся бы к ней спокойно. Благородство человеческой природы Государя признавали все, кто его знал. Вот случай, из которого следует еще и то, что Император ездил без охраны: Государь с возка погрозил человеку, который еле успел перебежать дорогу, чуть не попав под государеву лошадь. Человек кивнул и не стал подходить, мол, он слишком торопится, так дал понять. Николай подозвал квартального, поручил найти того человека и доставить к нему. Доставили. Спрашивает его Государь: "Ты узнал меня?" – "Узнал, Ваше Императорское Величество". – "Почему же не подошел? Знаешь, что тебе будет за это?" – "Жена тяжело рожала, я к бабке бежал". – "Что ж, причина уважительная". Сказав это, царь повел показать своей жене "примерного мужа". Кстати, он и сам был любящим мужем и заботливым отцом.

^{vi} Патриархальная традиция обращаться к подданным на "ты" сохранялась и в царствование Императора Александра II, впрочем, простой народ и после обращался к Государю, как правило, также.

^{vii} Муж Виктории Федоровны, Великий Князь **Кирилл Владимирович** (1876-1938), сын Великого Князя Владимира Александровича и внук Императора Александра II, будучи четвертым в порядке наследования Престола после Императора Николая Второго, Цесаревича Алексея Николаевича и Великого Князя Михаила Александровича, в соответствии с Основными Государственными Законами стал, после пресечения в 1918 г. линии Императора Александра III, первым Российским Императором в изгнании. Кстати, Кирилл Владимирович был одним из первых русских спортсменов-автомобилистов. В 1912 году он был официальным представителем Российской Империи на V Олимпийских играх, состоявшихся в 1912 году в Стокгольме. Участником этих Игр в составе русской сборной по конному спорту был также Великий Князь **Дмитрий Павлович** (1891-1942), председатель Первой Российской Олимпиады (Киев, 1913 г.).

^{viii} Константин Константинович прекрасно знал иностранные языки. Он перевел на русский "Мессинскую невесту" Шиллера, "Ифигению в Тавриде" Гёте. Его перевод "Гамлета", наряду с переводами Лозинского и Пастернака, принадлежит к одним из самых лучших.

^{ix} Говоря о семье Великого Князя Константина Константиновича нельзя не вспомнить ещё об одном из его сыновей, Князе **Олеге Константиновиче** (1892 – 1914). Этот чудный, тонко чувствующий прекрасное молодой человек, широко образованный, как и все Романовы, в то время единственный из Романовых, кто помимо военного (Полоцкий кадетский корпус) окончил гражданское учебное заведение, колыбель пушкинской музы – Императорский Александровский лицей, великолепно разбиравшийся в музыке и литературе, прожил, к сожалению, всего двадцать два года. В 1914 году он, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, пал смертью храбрых за Веру, Царя и Отчество. Но, его, лишь на мгновение промелькнувшая на небосклоне русской литературы звезда, оставила свой заметный след в нашей культуре. Вот, одно из его стихотворений:

Гроза прошла... Как воздух свеж и чист!
Под каплей дождевой склонился скромный лист,
Не шелхнет и дремлет упоенный,
В небесный дивный дар влюбленный.
Ручей скользит по камешкам кремнистым,
По свежим берегам, по рошицам тенистым...
Отрадно, в сырости пленительной ручья,
Мечтами унести за трелью соловья...
Гроза прошла... а вместе с ней печаль,

И сладко на душе. Гляжу я смело вдаль,
И вновь зовет к себе Отчизна дорогая,
Отчизна бедная, несчастная, святая.
Готов забыть я всё: страданье, горе, слёзы
И страсти гадкие, любовь и дружбу, грёзы
И самого себя. Себя ли?.. Да, себя,
О, Русь, страдалница святая, - для тебя.

^x Сейчас во Дворце располагается Санкт-Петербургский центр творчества юных, проводятся новогодние праздники для детей. Во времена Александра Александровича молодые супруги также довольно часто устраивали во Дворце новогодние Ёлки для бедных детей города. Приглашенных детей сажали за стол, затем зажигали елку и одаривали подарками. Цесаревна раздавала игрушки, чай, сахар, теплые одеяла, платья, сорочки, салопчики, полушубки, тулупы, валенки, перчатки, теплые чулки и многое другое, а Цесаревич надевал на головы мальчиков теплые шапки. После елку валили и разрешали ее обирать. После этой церемонии приглашенные расходились по домам.

^{xi} Александр Петрович (1844-1932) - основатель Института экспериментальной медицины, носящего ныне имя И.П. Павлова.

^{xii} В те времена, по военному образцу, духовой оркестр назвался "хором трубачей".

^{xiii} Их отец, Принц **Петр Георгиевич Ольденбургский** (1812-1881), внук Императора Павла I, президент Вольного экономического общества, известен, более всего, как выдающийся благотворитель в сфере образования (в настоящее время в честь Герцога назван Санкт-Петербургский институт права). Вместе с тем, он был незаурядным поэтом (недавно вышла книга его стихов), а также, как и многие его родственники, страстным коллекционером живописи.